

Москва глазами иностранцев

Немецкий инвестбанкир о 9 Мая, Мавзолее и неваляшках

Фотограф: Зарина Кудрякова

Управляющий директор инвестиционной компании, работающей с ЛУКОЙлом и «Русэнерго», — о любви к московским барахолкам, сочувствии к мигрантам и противостоянии России и Запада

Шарлотта Филиппс

Откуда приехала: Лондон

Чем занимается: инвестиционный аналитик

Я родилась в Штутгарте, в Германии, но долго жила и работала в Лондоне, в Европейском банке реконструкции и развития. Я всегда хотела работать в каких-то экзотических местах, поэтому начала ездить по странам бывшего СССР. Я бывала в Азербайджане, Грузии, Армении, Украине, Казахстане.

В Казахстане, кстати, со мной произошла смешная история. Караганда, 1993 год, какая-то захудалая гостиница. Я собираюсь ложиться, как вдруг вижу, что из-за перегородки, отделяющей мой балкон от соседнего, появляется чья-то нога. Я бегу закрывать балкон, но, конечно же, защелка не работает, бегу позвать кого-то на помощь, но, конечно же, за стойкой никого нет. Тогда я беру стул и выхожу на балкон, выставив стул ножками вперед. Между балконами сидит страшно пьяный мужчина в трусах. Русский, не казах. Я, насмотревшись фильмов про Джеймса Бонда, говорю ему по-английски: «Если вы двинетесь еще хотя бы на миллиметр, я столкну вас с балкона». Думаю, что он ничего не понял, но осознал, что ничего хорошего от меня ждать не стоит. Через пару

минут он перелез обратно. Но остаток ночи я провела, сидя на стуле у балконной двери и опасаясь, что он вернется.

В Россию я приехала в 2006 году. Американский инвестфонд AIG Private Equity Investments попросил меня возглавить их отделение в СНГ, и я переехала жить сюда. С 2010 года я работаю в консалтинговой компании Xenon Capital Partners. Но не думаю, что вам очень интересно слушать про мою работу. В Москве дико интересная жизнь, очень хорошие музеи. Я очень люблю ВДНХ и Музей космонавтики. Я помешана на Гагарине — серьезно, я мечтала бы быть им. В музее я скупилась все коллекционные спички с портретами советских космонавтов. Каждый раз, когда я приходила, я покупала несколько коробок, а потом раздаривала эти спички своим друзьям — все обожали космонавтов. Старушка, которая их продавала, каждый раз смотрела на меня, как на сумасшедшую. И когда я пришла туда в последний раз, намереваясь купить сразу несколько десятков коробок, она сказала мне: «Да вы что! У нас их всего осталось четыре. Их не выпускают с 70-х годов».

Я думаю, что бабушки в музеях — это отличный барометр того, как Россия себя ощущает в данный момент. Я уверена, что они общаются со мной — как с иностранкой — иначе, чем с обычными посетителями. Если они злобные и огрызаются, значит, Россия собой гордится. Если же они тихие и скромные, Россия чувствует себя слабой и уязвимой.

После Музея космонавтики моя любимая достопримечательность в Москве — это Мавзолей. Дело, конечно, не в Ленине — хотя интересно посмотреть на первого забальзамированного человека в современной истории, — а в архитектуре и в общей атмосфере. Ты заходишь внутрь, тебе запрещают говорить и останавливаться, и ты при тусклом свете начинаешь спускаться, а на каждом повороте спуска стоит солдат. И когда ты доходишь до самой комнаты с Лениным, ты уже весь дрожишь. Я очень люблю истории про Мавзолей и лабораторию при нем — я бы очень хотела ее посетить. Говорят, в середине 80-х в этой лаборатории, которая занимается сохранением тела Ленина, были самые веселые вечеринки. Пока в стране шла борьба с алкоголизмом, они могли всегда заказать себе спирта — якобы для медицинских целей.

Я думаю, что Ленин никуда не денется. Мавзолей же интересен не только иностранцам: я часто там бываю, и в последние годы там огромные очереди из людей со всей страны, как в храм Христа Спасителя. Раньше, кстати, можно было подойти к охраннику и объяснить ему, что ты приехал с очень важной делегацией, у тебя очень мало времени, и тогда купить «специальный билет» на вход. Но теперь это уже не работает.

Я мечтаю попасть на парад 9 Мая на Красной площади. В Англии День Победы какой-то слишком сладкий, что ли: девочки с ленточками, гвардейцы в красочной форме. Здесь же всем очень хочется показать силу, куча техники. Особенно впечатляют ночные репетиции — выходишь из Vogue Cafe и упираешься в огромную ракетную установку. Да и георгиевские ленты красивые — очень приятное сочетание оранжевого и черного. Я закрепила георгиевскую ленту на один из своих телефонов, чтобы было удобнее доставать его из сумки при звонке.

Я вообще очень люблю 9 Мая. Да, я немка, но, согласитесь, без нас, немцев, никакого праздника бы не было. Для хорошей вечеринки нужен хороший лузер.

Я в Лондоне всегда устраивала тематические вечеринки на День Победы — приглашала на них англичан, американцев, французов, итальянцев, ну и японцев себе в пару, конечно.

Я обожаю советский дизайн, все время хожу по московским и тбилиским барахолкам. Здесь самый лучший блошинный рынок находится в Химках — тот, что переехал с платформы Марк. Там все очень просто: старушки сидят, подстелив на землю целлофановые пакеты, продают иногда чуть ли не по одному носку. Там можно найти потрясающие вещи. Например, сейчас я хожу не с сумкой, а с пластмассовой советской авоськой, которую купила там за 50 рублей. Еще у меня есть советский рюкзак, настоящий вещмешок. Как-то в самолете из-за этого мешка ко мне подошел футболист Эдгар Давидс. Он потом три месяца писал мне, спрашивал, могу ли я достать ему такой же.

Первую вещь, которую я купила в Москве, я называю «диван КГБ». Я была на встрече в каком-то офисном здании и увидела в холле прекрасный диван из кожзаменителя, который выглядел так, будто его спроектировал Ле Корбюзье. Я хотела подойти к нему поближе, но меня остановил охранник. Когда я объяснила ему, что всего лишь хотела посмотреть на диван, он страшно удивился: «Как, на этот? Да он же страшный. Этот куда лучше». И указал на абсолютно новый кремовый диван из IKEA. Вернувшись домой, я попросила моего шофера поехать в тот офис и уговорить охранника продать диван. На что он заявил мне, что съездит, но только не завтра, потому что завтра 13-е число — плохой день для сделок. В итоге он поехал 14-го. Я дала ему на диван 150 долларов. Он вернулся с диваном и говорит: «Но стоил он не 150 долларов». Я говорю: «Неужели дороже? Сколько же, 200?» — «Нет, бутылка коньяка».

Я очень люблю неваляшек — это такой советский вариант Такаси Мураками. Но их теперь стало сложно купить. Я даже нашла какой-то пороховой завод, который по неизвестной причине их производил. Я заказывала у них больших неваляшек, 40 см в высоту, дарила их своим друзьям с детьми по всему миру. Но когда я хотела купить несколько неваляшек для себя, выяснилось, что пороховой завод их больше не производит. Но главная моя мечта — это пылесос «Сатурн», похожий на шар.

Постоянно подбираю какие-то вещи на улице. Два дня назад нашла уродливый старый стул. Мой друг был в ужасе: «У нас такие стулья стояли в школьной столовой, зачем ты это тащишь домой?» Многие из этих вещей я увожу в свою квартиру в Лондоне. Мой шофер, который отвозит меня в аэропорт, постоянно ехидничает: «Вы везете это специально на лондонскую помойку?» В Лондоне у меня есть, например, крошечный стул из советского детского сада — я его называю диетический стул. Если я могу влезть в него, значит, все нормально, а если нет — значит, надо прекращать есть.

У меня есть здесь потрясающий личный тренер Эльвира. Она советская чемпионка по легкой атлетике, сейчас преподает аэробику в МГУ. Я думаю, что ей за 60, но при этом она в отличной форме. Меня она научила даже стоять на голове. А на нашем первом уроке единственным предметом, который мы использовали, было кухонное полотенце — и через 20 минут я чуть не потеряла сознание. Эльвира приходит два раза в неделю и всегда отказывается от денег, говоря, что ей интересны не деньги, а результат. Но я стараюсь постоянно привозить ей подарки. Она все время следит за моей фигурой и, если у меня появляются лишние складки, строго говорит: «Шарлотта, это не ваше». Я все жду, когда она критически посмотрит на меня и скажет: «Ну все, пора отправляться в духовку». Эльвира учит меня не только гимнастике, но и русскому. Я приседаю и считаю по-русски до десяти, дальше вспоминаю месяцы, дни недели и так далее. Она все время меня отчитывает: «Шарлотта, вы в России уже столько лет и до сих пор говорите по-русски, как Тарзан». И это правда — я понимаю, о чем говорят на бизнес-встречах, но самой мне говорить тяжело. Иногда я делаю глупые ошибки, например, я никак не могу запомнить разницу между словами «молодец» и «песец» (разумеется, Шарлотта имеет в виду матерное слово, замененное тут в соответствии с законодательством РФ. — Прим. ред.). Для меня они звучат одинаково. Бывало, что я хочу похвалить кого-то, хлопаю его по плечу и говорю: «Здорово, песец!»

Как-то у меня была очень странная деловая встреча. Мы думали об инвестировании в бизнес по продаже автомобилей, и наши потенциальные русские партнеры пригласили меня на встречу в итальянский ресторан за МКАД. Ресторан находился на первом этаже здания, а на втором располагались тир и боксерский клуб. Я приехала туда одна. Вхожу в огромный ресторан, а там абсолютно темно, горит лампа только над одним столом, за которым сидят мои партнеры — один из них, бывший боксер, без скулы. И рядом со столом огромный мастиф. Настоящая сцена из «Крестного отца». В таких ситуациях лучше всего притвориться немного сумасшедшей. Обычно, когда я не знаю, что говорить, я начинаю делать комплименты, например: «Какой прекрасный галстук! Где вы его купили?» Проблема была в том, что ни на одном из них не было галстука, а только черные водолазки. Тогда я дотронулась до плеча одного из них и начала тараторить: «Какая приятная ткань! Это что, кашемир? А где в Москве можно купить хороший кашемир? А носки на вас тоже кашемировые?» Они были несколько этим шокированы, но в итоге были со мной очень милы. Понятно, что все это было просто напоказ.

Разные люди меня пытались несколько раз запугать похожим образом, говорили мне: «При случае мы можем быть очень жесткими». На что я всегда радостно интересовалась: «Вы гангстеры? Правда настоящие гангстеры?» Конечно, они тут же отвечали: «Нет-нет, мы всего лишь бизнесмены». Я всегда предлагала в таких случаях написать им записку для моего западного начальства, что они могут со мной сделать, например: «Мы застрелим Шарлотту, если вы не пойдете на наши условия». Я говорила, что только так я смогу объяснить своему начальству, почему мне пришлось изменить свой подход к этой сделке. А без записки я ничего не могу сделать, простите.

Мне не нравится расизм, который в Москве почти институционализирован. Особенно в отношении всех этих бедных маленьких таджиков, узбеков и киргизов. Они и так живут очень тяжелой жизнью в ужасных условиях, а их еще все время в чем-то обвиняют или подозревают. Все дворники-мигранты в моем дворе всегда выглядят напуганными, но при этом неизменно вежливы и внимательны. Однажды кто-то во дворе разрисовал мою машину краской из баллончика. Мои друзья и мой шофер утверждали, что это дворники. Я же пыталась их убедить, что те просто не будут тратить лишние 100 рублей на баллончик краски и что, скорее всего, это была какая-то пьяная молодежь.

Я понимаю, почему управлять этой страной непросто и почему здесь нужен сильный лидер типа Путина. У меня в офисе русские подчиненные. И я знаю, что, если каждые шесть недель я не буду проявлять жесткость и кричать на них, они подумают, что я слабая, и немедленно начнут приходить на работу к двум часам дня. Я, правда, проявила авторитаризм в самом начале и заставила убрать все цветы из офиса, потому что это слишком напоминало больницу. Но в целом я спокойный и понимающий начальник. У русских есть прямо какая-то болезнь: мне приходится говорить своему водителю каждые два месяца, чтобы он не курил в машине. Хотя, казалось бы, одного раза должно быть достаточно.

Да, в России есть множество проблем, и меня очень беспокоит и расстраивает ситуация на Украине, где страдают невинные люди. Но я считаю, что Европа и Америка сыграли большую роль в этом кризисе, вмешавшись в украинскую политику. Представьте, что было бы, если бы Россия попыталась вмешаться в дела Мексики или Канады — да американцы бы с ума сошли. Они до сих пор от

Кубы отойти не могут. Меня раздражает, что у Америки есть только один способ решать дела с Россией — это изоляция. Меня раздражает западная пропаганда.

Когда я была маленькой, мой отец, который служил в войсках вермахта, все время пугал меня загадочным «Иваном», который однажды может вернуться в Германию. И эта пропаганда до сих пор жива. В Лондоне, например, мало кто верит, что в России есть свободный доступ к интернету. Было бы здорово, если бы, наряду с осуждением всех ужасных вещей, которые происходят в России, Запад бы признавал, что здесь есть и что-то хорошее. Мне же в Москве очень нравится, и я надеюсь, что однажды мне не придется отсюда уезжать против своей воли.